

Косатки

Фото: Т.Ивкович

Кандидат
биологических наук
О.А.Филатова,

Навстречу «китам-убийцам»

Хмурое камчатское утро. На высоте сотни метров висит плотная пелена тумана, закрывая вершины сопки и заснеженные конусы вулканов. Но море свободно от тумана, и мы до боли в глазах вглядываемся в серую свинцовую даль, стоя втроем в четырехметровой надувной лодке, покачивающейся на волнах.

Вдруг краем глаза я замечаю что-то... Не может быть! Наверное, баклан, или просто показалось. Но нет: снова вдалеке появляется и исчезает маленький черный треугольник. И снова, едва он исчезает, начинает казаться, что это был всего лишь обман зрения. И лишь когда треугольник появляется в третий раз, я позволяю себе поверить своим глазам, и окрестности оглашаются радостным кличем: «Косатки!»

А всего столетие назад такая встреча приводила в трепет самых отважных моряков и путешественников. В те времена в приключенческих книжках косатки неизменно выступали в роли монстров глубин, раскусывая пополам лодки и отправляя на дно охваченных ужасом моряков. Если верить зловещим историям, все живое, что обитало в море или случайно попадало туда, служило пищей этим хищникам. Косаток ненавидели и боялись с тех пор, как чело-

век вышел в море и встретился с ними – с настоящими хозяевами океана.

Но мы не боимся их приближения, наоборот, сами идем им навстречу. Ведь мы вышли в море именно для того, чтобы найти их. Мы – это проект, посвященный изучению социальной и популяционной структуры, численности, экологии, поведения и акустики дальневосточных косаток. Вот уже седьмое лето мы проводим рядом с этими удивительными созданиями. Многие косатки уже знакомы нам «в лицо». Вот Хуки косо вздымает над водой свой крючковатый плавник, да и пятно, то, что за плавником, у него в форме крючка. Вот Горбатая – косатка с необычным горбом на спине. Там идет Галкин с двумя выемками на плавнике, а неподалеку от лодки вынырнул Чиж – тоже с выемками, но другой формы. Плавник у него гораздо меньше, чем у Галкина, ведь тот – взрослый самец, а Чиж пока всего лишь подросток. У взрослого самца косатки длина плавника может достигать полутора метров.

Быстрыми очередями щелкает затвор фотоаппарата. Каждую косатку надо обязательно сфотографировать, чтобы потом ее можно было опознать, сравнив снимок с изображением в каталоге. Спинной плавник и седловидное пятно у каждой косатки имеют индиви-

дуальные черты: по ним можно узнать животное, как человека по фотографии в паспорте. На косатках эту методику – фотоидентификацию – впервые применили более тридцати лет назад, и не в суровых камчатских водах, а в закрытых извилистых фьордах и бухтах Британской Колумбии на северо-западе Канады. Биолог Майкл Бигг, сотрудник канадского Департамента рыболовства и океана, получив задание провести учет численности косаток в этом районе, понял, что легко может различить особей на фотографиях. После нескольких лет таких исследований выяснилось, что косаток значительно меньше, чем считалось ранее. В районе острова Ванкувер, где популяцию оценивали в «много тысяч», было обнаружено два сообщества косаток – северное и южное, члены которых никак не общались друг с другом. В северное сообщество входило около трехсот особей, в южное – менее сотни. Численность южного сообщества была значительно подорвана многочисленными отловами в 60-е годы XX века. Когда косатка из свирепого монстра превратилась в обитателя океанариумов и тем самым в потенциальный источник дохода, южное сообщество оказалось наиболее доступным для ловцов. Большинство косаток, живущих сейчас в неволе, ведет свой род имен-

ВОДА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

но оттуда, а численность южного сообщества так и не восстановилась.

Большие семьи и боевые тройки

Малочисленность косаток стала не единственным ошеломляющим открытием, сделанным благодаря фотоидентификации. Также было выяснено, что косатки — одни из немногих млекопитающих, которые всю жизнь остаются в родной семье. И самцы, и самки, взрослея, не покидают свою мать, а остаются с ней до самой смерти. Чтобы не скрещиваться с родственниками, они ищут партнеров в других группах. Семьи из дного сообщества хорошо знают друг друга. В летние месяцы косатки нередко образуют скопления по 50 и даже по 100 особей — это несколько семей, собравшись вместе, общаются, играют, укрепляя социальные связи, и спариваются, чтобы дать жизнь новым членам группы. Маленькая косатка никогда не узнает своего отца — зато она всегда под надежной защитой своих дядей и старших братьев.

Каждый новорожденный — большая ценность для группы, ведь косатки очень медленно растут и размножаются. Самки рожают первенца в возрасте около 15 лет, а следующих дете-

нышей — с периодичностью примерно раз в пять лет. В возрасте сорока — сорока пяти лет самка перестает приносить потомство, но может прожить после этого еще лет сорок, помогая дочерям и внукам воспитывать детей. Знания и опыт, накопленные бабушками за долгие годы жизни, способствуют благополучию всей семьи.

Впрочем, не все косатки — примерные семьянины. После нескольких лет исследований в Британской Колумбии ученые обнаружили, что порой им встречаются совершенно незнакомые косатки, которые и ведут себя по-другому: держатся небольшими группами, часто ходят вдоль берега, да и вообще все их поведение выдает какую-то настороженность, как будто они непрерывно что-то ищут и в то же время стараются остаться незамеченными. Так как визиты этих косаток были редки и непредсказуемы, их назвали «транзитными», а остальных, в противоположность им, — «резидентными».

Прошло еще несколько лет, прежде чем ученые поняли причину различий между настороженными деловитыми транзитниками и беззаботными резидентными. Резидентные косатки, хоть и носят страшноватое прозвище китов-убийц, питаются только рыбой и кальмарами. Ни тюлени, ни дельфины с ки-

тами их не интересуют, по крайней мере, с гастрономической точки зрения. Настоящими китами-убийцами оказались транзитники — в их рацион входят практически все морские млекопитающие, от калана до синего кита. С этим связаны и различия в размерах групп. Когда резиденты окружают косяк рыбы, лучше иметь много загонщиков, а еды в нем хватает на всех. Транзитники ловят добычу по одному и делят между членами группы, но если это тюлень или дельфин, то удобнее иметь мало ртов. Совместная охота выгодна им лишь в случае нападения на крупного кита — и зачастую для этого несколько групп собирается вместе. Средний же размер группы транзитников — три особи, поэтому они не могут позволить себе, как резиденты, всю жизнь провести возле матери. Остается обычно лишь старший сын, прочие уходят и становятся одиночками, присоединяясь на несколько дней к той или иной группе. Самки живут в группе до тех пор, пока не обзаведутся собственным детенышем, после чего тоже уходят, чтобы основать новую группу.

Десант на сушу

Наши косатки — те, что плывут рядом с лодкой — резидентные. Их основная

пища — лосось и терпуг, питаются они и другими видами рыб. Но есть на Камчатке и транзитные косатки. Нам несколько раз встречались маленькие незнакомые группы с характерными остроконечными плавниками и большими пятнами — по этим признакам транзитные косатки отличаются от резидентных. А на Командорских островах уже несколько лет подряд наблюдают нападение косаток на морских котиков возле лежбища. Да и здесь, в Авачинском заливе, рыбаки не раз рассказывали нам о подобных случаях. Иногда в этих историях фигурируют даже косатки, выпрыгивающие за тюленями на берег. Для Камчатки это, скорее всего, «охотничьи байки». Но есть два места на земном шаре, где подобное происходит в действительности: острова Крозе в Индийском океане и побережье Патагонии. В двух этих удаленных друг от друга районах косатки независимо выработали особую культурную традицию — они добровольно выбрасываются на берег, чтобы схватить зазевавшегося детеныша морского слона или морского льва. Прием этот сложен, и обучаться ему нужно с детства. Матери специально учат своих детенышей, зачастую выбрасываясь с ними на берег просто для тренировки, когда поблизости нет никакой добычи. Но это довольно опасная игра — случается, что косатка застревает на мелководье и гибнет, не в силах добраться до спасительной глубины. Такое чаще происходит на Крозе, где берег более пологий, и там используют эту технику обычно только самки, поскольку они мельче и у них меньше шансов застрять. В Патагонии пляж более крутой, и опасность застрять практически нет — косатка просто скатывается назад в воду, как с горки. Поэтому здесь на берег выбрасываются и самки, и громадные самцы.

За рыбой косаткам, конечно, не нужно прыгать на берег, но все же порой, чтобы поймать ее, приходится изрядно потрудиться. В Норвегии косатки питаются сельдью, непрерывно следуя за

ежегодными миграциями косяков. Чтобы насытиться, огромной косатке нужно съесть довольно много мелкой рыбой. Но если гоняться за каждой селедкой — больше энергии потратишь на охоту. Косатки и здесь нашли выход из положения. Они окружают косяк рыбы, пугая ее своими белыми животами, сбивают в плотный ком и мощными ударами хвостов оглушают сельдь, оказавшуюся поблизости. Затем косатки спокойно и без усилий собирают плавающих сверху брюхом рыб и продолжают загонную охоту, пока не насытятся.

Окружение косяка рыбы — так называемый карусельный метод — используют порой и наши косатки. Мы не раз наблюдали, как во время охоты они вдруг начинают выныривать по периферии невидимого круга, но происходящее при этом под водой нам еще ни разу не удалось запечатлеть. Вода на Камчатке летом слишком мутная, и, чтобы рассмотреть хоть что-то в нашу подводную камеру, нужно подойти очень близко. Но во время охоты косатки не подпускают нас на такое расстояние — видимо, мы им мешаем.

Семейные диалекты и обмен информацией

Однако если нельзя увидеть, то можно ведь услышать! В отличие от света, звук в воде распространяется гораздо лучше, чем в воздухе. Мы выключаем мотор, опускаем в воду гидрофон — и в наушниках раздается оглушительная какофония: щелчки, скрипы, пронзительные крики и затейливые свисты. Лишь ухо опытного биоакустика может различить что-то в этой каше. Щелчки — несомненно, эхолокация, ведь косатки охотятся, им нужно как-то ориентироваться в этой мутной воде. Как все зубатые киты, косатки в совершенстве владеют искусством ориентации по эху от издаваемых ими звуков. С помощью эхолокации они могут не только определить расстояние до дна или до рыбьего косяка, но и «рассмотреть» каждую отдельную рыбку, отличить вкусный вид рыбы от невкусного.

Человеческое ухо способно различить отдельные щелчки, если промежуток между ними не менее 5 миллисекунд. Если он меньше, то мы слышим уже не серию щелчков, а непрерывный звук, похожий на скрип двери. Таким образом, косаточьи скрипы представляют собой серии щелчков. А вот крики косаток до сих пор вызывают споры. Некоторые ученые считают, что они имеют ту же природу, что и скрипы, в отличие от свистов, которые непрерывны не только на наш слух, но и в действительности. Другие же ут-

верждают, что все звуки косаток имеют общую природу и крики — это просто переходная стадия между скрипами и свистами.

Если прислушаться, можно заметить, что в кажущейся какофонии то и дело повторяются одни и те же несколько криков. Эти стереотипные крики — «визитная карточка» группы, за которой мы сейчас наблюдаем. У каждой группы косаток свой собственный, отличающийся от других набор стереотипных криков — вокальный диалект. У родственных групп, которые ранее составляли одну группу и разошлись после гибели самки-основателя, диалекты очень похожи, но со временем они меняются, и чем дальше, тем меньше сходство между ними. Есть гипотеза, что самка, выбирая себе партнера при встрече нескольких групп, ищет самца с диалектом, наименее похожим на ее собственный, чтобы избежать близкородственного скрещивания.

Как и языки у людей, диалекты косаток не наследуются генетически, а передаются посредством обучения. Маленькая косатка старательно копирует крики матери, и на протяжении первого года жизни выучивает диалект своей группы. После этого она начинает смелее осваивать окружающий мир — ведь ей уже не грозит опасность потеряться. Она всегда сможет позвать на помощь и вернуться к матери, услышав ответный крик. Даже если вокруг много групп, по диалекту она сможет издали отличить своих от чужих и никогда не ошибется, выбирая, куда нужно плыть, чтобы вернуться в свою семью. Поэтому косатки-подростки из разных групп зачатую ревнуют вместе, пока их родители занимаются своими взрослыми делами.

Но если у каждой группы свой диалект, спросите вы, то как же они понимают друг друга при встрече? Тут дело вот в чем: стереотипные крики, на которых построены диалекты косаток, — это, собственно, не язык, а просто опознавательные сигналы, что-то вроде «ау», которое люди кричат друг другу в лесу. А когда косатки рядом, они общаются в основном с помощью свистов и так называемых «вариабельных» криков — звуков довольно сложной и разнообразной структуры, которые даже опытным исследователям не удается разделить на определенные типы. Никто не знает, что означают эти сигналы — может быть, они лишь передают эмоциональное состояние животных, но не исключено, что в них содержится и более сложная информация. Есть даже гипотеза, что зубатые киты могут общаться друг с другом с помощью эхолокационных щелчков —

послав сородичу «эхо» от какого-нибудь предмета, они как бы показывают ему звуковое изображение этого предмета. Но это всего лишь предположение.

Косатки в плену

Наши косатки прекратили охоту и снова двинулись на юг. Раньше мыс Опасный был излюбленным местом их кормежки, а теперь они останавливаются здесь совсем ненадолго, а иногда и вовсе проходят мимо. Да и судов на мысу поубавилось, а в прошлые годы здесь непрерывно толпились суденышки и моторки «москитного флота» (прозвище маленьких лодочек, которые по сравнению с настоящим рыболовным флотом выглядят как стая комаров и так же противно жужжат), ловившие терпуга на крючок. Гребень Опасного — район нереста терпуга, и рыбы тут бывало так много, что на голый крючок рыбакам удавалось наловить полную лодку. Однако неумеренная человеческая жадность быстро исчерпала запасы, казавшиеся бездонными. Теперь и рыбакам, и косаткам здесь делать нечего. Несколько суденышек по старой памяти еще ставят тут сети, но тем, кто ищет хороших уловов, приходится идти дальше на юг.

Мы следуем за косатками, отмечая свой путь по GPS, и каждые пять минут записываем, что делают животные. Порой останавливаемся и бросаем в воду гидрофон — не кричат ли? Но нет, косатки молчат и, синхронно выныривая, движутся дальше и дальше на юг. Вот

мы уже напротив бухты Саботажной. Здесь в 2003 году группу мирно кормившихся и ничего не подозревавших косаток обметали сетями, чтобы поймать нескольких животных для океанариумов. В России никогда раньше не ловили косаток, но, после того как их отлов запретили в Канаде и в Исландии, спрос на косаток сразу вырос, и отечественные ловцы решили попытаться счастья. Однако опыта и умения им явно не доставало: при отлове две молодые косатки запутались в сети. Одну с большим трудом освободили и подняли на палубу, а вторая утонула. Впрочем, судьба выжившей едва ли была счастливее: несколько дней ее держали в загоне в Авачинской бухте, а потом на самолете переправили на Черное море, где она тоже вскоре погибла.

Китообразные плохо переносят неволю. Уж на что дельфины-афалины — признанные звезды океанариумов, но большая часть их гибнет вскоре после отлова, и лишь немногие приспособляются к абсолютно неестественным условиям жизни в неволе. Косатки же — самые интеллектуальные среди дельфинов, и даже те из них, кому удается пережить критический период адаптации к неволе, через несколько лет начинают страдать от невыносимой скуки и однообразия в своих кафельных бассейнах — особенно если их держат в одиночке. Такие животные становятся подавленными и раздражительными, нередко нападают на дрессировщиков и даже серьезно калечат их, хотя не было еще случая, чтобы в природе сво-

бодная косатка покалечила или убила человека. К нашей лодке часто подплывают любопытные подростки, а изредка и взрослые косатки удостаивают нас вниманием, выныривая так близко, что брызги их фонтана заливают линзы фотоаппаратов. Но ни разу не бывало, чтобы косатки проявляли по отношению к нам хоть какую-то агрессию. Если мы им не нравимся, они просто уходят.

Вот и сейчас мы, кажется, наскучили косаткам своим назойливым присутствием. Напротив Вилючинской бухты мы оставляем их в покое и поворачиваем обратно к лагерю. Эти животные нам хорошо знакомы, мы не раз уже фотографировали их и записывали крики. Они относятся к авачинскому клану, насчитывающему около 300 особей. Подавляющее большинство косаток, встречающихся в Авачинском заливе, принадлежат к этому клану. Но район их обитания не ограничен заливом: косаток из этого клана встречали и на Командорах, и на севере Камчатки — в заливе Озерном.

В лагере нам не до отдыха — надо успеть занести в компьютер данные, полученные за день. А завтра, если позволит погода, мы снова выйдем в море, чтобы встретиться с косатками. За короткое камчатское лето мы торопимся узнать о них как можно больше. В давние времена моряки считали их безжалостными кровожадными убийцами, врагами всего живого. Публика нынешних океанариумов умиляется, глядя, как косатка «целует» своего тренера и возит его на спине по бассейну, для нее эти животные — нечто вроде гигантских плюшевых игрушек. Ни то, ни другое не верно. Так кто же они на самом деле? О чем они думают, когда подплывают поглазеть на нас? Как находят дорогу в безбрежном океане? Как решают, куда направиться? О чем кричат и скрипят, собравшись тесной группой? Мы надеемся, что рано или поздно ученые — и мы в их числе — сумеют найти ответы на эти вопросы.

Подробнее с научной работой, о которой рассказывается в статье, можно ознакомиться на сайте проекта <http://www.russianorca.com/>

